

БЕЛАЯ ВОРОНА

Я — белая ворона,
На голове — корона,
Зовут меня — Алена...

*(Из стихов
Алены Давыдовой).*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Алена проснулась, услышав, как стукнула вниз дверь подъезда. Она сладко пошевелилась, зарываясь лицом в подушку, не желая просыпаться, но сквозь лень, разлившуюся по телу, в сознание пробилась мысль о чем-то неожиданном, радостном. Тело еще сопротивлялось, хотело спать, но мозг, устремленный навстречу радости, жаждал пробуждения.

Алена потянулась под одеялом, выпростала руки и лежала на спине, не шевелясь, пытаясь понять — что же именно должно произойти. Ей казалось — вот сейчас она вспомнит, но чем дольше она лежала, чем больше прояснялось ее сознание, тем труднее было вспомнить, понять, чего она ждет. Радость, которую она ждала, растворялась в ощущениях, уходила куда-то вглубь, в тепло кожи. Алена провела по рубашке, по телу под рубашкой руками, сдвинула одеяло.

Стук вниз повторился. Спеша по утрам на работу, жильцы не придерживали дверь. Алена лежала, слушала, как ударяется дверь подъезда, и в паузах прислушивалась к себе. Ожидая нового удара, она сжималась вся, замирала, и все-таки удар каждый раз был неожиданным. Становилось тревожно-сладко непонятно отчего.

Алена села на кровати, расправила рубашку на коленях. Сунув ноги в тапочки, она прошлепала в ванную

комнату. Посмотрела на себя в зеркало, висящее над раковиной: рыжая, конопатая, ничего особенного. С такими никогда ничего не происходит. Но подумала так, потому что с ней, такой, должно было произойти.

Разглаживая складки на груди, Алена потрогала себя скольльзящим движением и, опустив руки, поиграла плечами. У них в классе девочки уже такие: фик-фок — на один бок... А она и на девчонку не похожа, никаких признаков... Алена лукавила. Признаки были. Она стыдилась себя разглядывать и придумала, оправдываясь, такое беспокойство. От кого-то она слышала, что в журнале «Здоровье» опубликован специальный комплекс для девочек... Развиваться... Может, обычная зарядка вредна? Когда Алена разводила руки в стороны (она развела — перед зеркалом, держа коленками внатяг подол рубашки), грудь становилась совершенно плоской, как спина. Алена освободила подол рубашки, вздохнула. Потрогала себя уже не скольльзящим движением там, где еще недавно болело, а сейчас чуть-чуть ныло... приятно так. От прикосновения по всему телу разлилось пугающее томление, словно рука, которой она себя трогала, была чужая. Алена представила, чья это может быть рука, и вздрогнула. В коридоре послышались шаги. Алена быстро набросила крючок на дверь. И тотчас же легкие мамины шаги приблизились.

— Алешка!

Алена сложила крест-накрест руки, замерла.

— Алешка! — сказала мама и подергала дверь.

— Что?

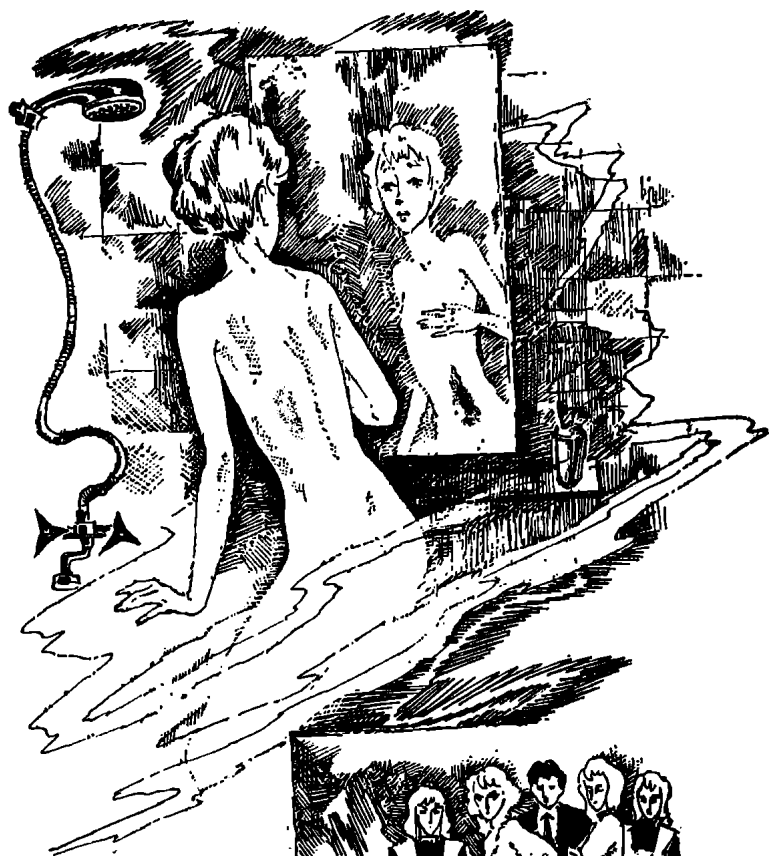
— Ты что там... заснула?

— Я умываюсь... Чего тебе?

— Завтракать, быстро!

Шаги удалились. Звякнула на кухне кастрюля, и этот звук пронзил горячей радостью. Она умывается. От холодной чистой воды лицо приятно посвежело. Алена вышла из ванной, с удовольствием похлопывая себя влажными руками по прохладным щекам.

Хлопнула дверь подъезда. Алена забыла ее придерживать. В воздухе летали, медленно оседая, снежинки. На дорожках, в беседке, на самой беседке и вокруг беседки лежал выпавший ночью снег. У входа в арку намело большой сугроб, только в самой глубине поблескивала скользкая сырая чернота.

Алена вышла из арки на улицу. На бульваре горели фонари — большие матовые шары. Но светло было не от них, а от снега, от белых деревьев, от белых тротуаров, от трамваев, которые везли на крышах шапки снега. На чугунных крестовинах, поддерживающих фонари, тоже лежал снег. В свете желтых матовых шаров он казался желтым.

Алена постояла, размахивая сумкой-пакетом «Марлборо», где у нее лежали тетради и учебники, толкнула сумку одной коленкой, другой и пошла направо, в сторону «Электроники».

Фирменный салон-магазин «Электроника» занимал весь первый этаж самого высокого на этой улице двенадцатиэтажного здания. Сплошные стекла магазина заканчивались на одном углу и на другом металлической облицовкой из белого рифленого алюминия. Между стеклами на уровне тротуара насыпан сухой серый гравий. Но сейчас тротуар был выше. Прохожие толкли снег, забрызгивая им стекла. Внутри магазина были видны квадратные колонны, облицованные со всех сторон зеркалами. Алену удивляло, что в этих зеркалах не отражается улица. Магазин длинный, пока дойдешь до другого угла, минуешь десять или двенадцать колонн. Приближаясь к очередной колонне, Алена видела, как в зеркалах начинают мелькать, отражаясь, кресла, столики, кадки с пальмами; а она, Алена Давыдова, проходила мимо, так и не отразившись. Узенькие металлические стыки рам находились напротив колонн, Алена заглянула сквозь двойные стекла в магазин с одной стороны стыка, с другой и не увидела себя. Зеркало отражало пустоту. Алена и знала, что не увидит. Она заглядывала от избытка хорошего настроения, от переполнявшего ее ожидания, от невозможности просто так идти в школу. Она повернулась вокруг себя, как в танце, прочертив по воздуху круг далеко отставленной сумкой, и несколько шагов после этого не шла, а шла и пританцовывала. Из своей белой синтетической шубки Алена выросла, колени торчали наружу, и она поддавала ими сумку, которой все время размахивала. На голове у Алены была серенькая мальчишеская треушка. Из-под нее торчала рыжая челочка, смотрели на прохожих вопрошающие карие глаза. Нитку, прикрепляющую третье ухо к шапке, Алена нарочно оборвала, и ухо свешивалось вперед козырьком. Чтобы посмотреть из-под ко-

зырька вверх, Алене приходилось далеко запрокидывать голову.

На углу над двенадцатым этажом, над крышей, светилась реклама Аэрофлота. Голубые неоновые трубочки, рисующие самолет, потрескивали. Алену и привлек треск над головой. Она посмотрела вверх, увидела пролетающие сквозь силуэт самолета снежинки, снежинки над городом, над собой. От их мелькания кружилась голова, и Алене показалось после того, как она постояла с минуту, что ее сейчас распахнет и закружит. Она повернулась вокруг себя, усиливая кружение, пуская влет вокруг себя сумку с тетрадами, учебниками, как крыло. Она не шла в школу, а летела, танцевала.

На углу перекрестка синий дорожный знак указывал дорогу на Москву. Огромные рефрижераторы сворачивали с улицы, на которой жила Алена, и ехали мимо этого перекрестка, и там, дальше, мимо школы, на Москву.

На бульваре вдруг погасли желтые фонари, после чего снег на деревьях еще некоторое время казался желтым. На большом щите ГАИ у перекрестка сообщалось, сколько человек погибло за истекшие сутки на дорогах области. Два человека погибли, десять раненых. Отец у Алены работал шофером, и она не всегда останавливалась, чтобы прочитать сводку, старалась пробежать мимо, не заметив щита, разглядывая что-нибудь в стороне. Тогда можно думать, что никто на дорогах не погиб и не ранен. Она и сейчас старалась не смотреть, но не рассчитала и остановилась прямо против щита, лицом к щиту. Алена прочитала сводку: двое убитых, десять раненых. Не война, а люди погибают. Погибших было жалко, даже в сердце кольнуло. Не самих погибших, а вот что существует такая глупая смерть. Что она вообще существует — смерть.

На той стороне на пешеходном светофоре загорелась фигурка зеленого человека, задвигала руками и ногами, имитируя ходьбу. Под фигуркой загорелись буквы: «Идите!» Люди заторопились на ту сторону. А фигурка зеленого человека все дергалась на экране светофора, двигая руками и ногами, пока не вспыхнули красным светом буквы «Стойте!» и не возникла на экране красная неподвижная фигурка человека с опущенными вниз руками. «Самый короткий фильм о жизни и смерти. Я увидела самый короткий фильм о жизни и смерти.

Надо показать его девчонкам. Нет, сначала я напишу стихи. То, что я увидела, — готовые стихи. Белые... Свободные... О жизни и смерти...» Ей было немного совестно, что она даже в трагедии открыла для себя радость — стихи. Но сегодня она не могла иначе. «Я напишу стихи — «Киносветофор». Я рыжая, голубая, талантиливая...»

Она пробежала несколько шагов вперед, увязая носками сапог в снегу. Что-то должно было случиться. Она это чувствовала. Что именно, Алена не определяла словами: какое-то изменение в ней самой, во всей жизни. Сережка Жуков, очкарик, как-то приволок в школу журнал «Природа». Один академик писал: «Тему научной работы надо менять каждые семь-восемь лет. За это время полностью меняются клетки тела и обновляется кровь. Ты уже другой человек». Алена вспомнила фамилию академика — Петр Капица, лауреат Нобелевской премии. Если это правильно, если верить лауреатам Нобелевской премии, то пора подсчитать. Семь с половиной лет прожила, пошла в школу — один человек; еще семь с половиной лет заканчиваются — другой человек. Все очень просто. Она становится другим человеком. Может быть, уже стала... Сегодня... Отсюда и такое незнакомое, непривычное томление, тревога, ожидание от самой себя каких-то новых поступков.

Около второго перекрестка, не такого оживленного, Алена свернула в переулок. Среди новых строений из белого кирпича выделялось красным кирпичным цветом четырехэтажное здание школы, стоящее в глубине, за оградой, за деревьями. За школой виднелась в окружении высоких дубов глухая стена и ступенчатая крыша Дворца культуры железнодорожников. Там школьный сад переходил в парк. Войти в него можно было с соседней улицы, но ребята лазили и через школьный забор.

Со всех сторон к школе спешили мальчишки и девчонки. У ворот — толчея, во дворе школы и на улице летают снежки. Алена радостно восприняла и эту толчею. Она пробежала, расталкивая ребят, уклоняясь от снежков, но у самых дверей, которые придержал ногой мальчишка из 8 «А», Женька Уваров, снежок попал Алене в плечо. Она оттолкнула Женьку, вбежала в вестибюль школы, гулкий, показавшийся пустым после улицы. Ее глаза возбужденно сверкали. Пока бежала через двор, азартно толкаясь, шубка растянулась, шапка

съехала набок, щеки покраснелись. Она не могла после этого тихо ходить, нормально разговаривать.

— Райк! — крикнула Алена. — Не раздевайся! Идем — в снежки! Женьку Уварова искупать надо!

В раздевалке топталась высокая сутулая девушка. Она сняла свое прямое пальто с прямыми плечами и стряхивала с воротника снег. Алена пробралась к ней, стукнула сумкой-пакетом.

— Кто тебе залепил? Сумки оставим здесь.

— Что я, маленькая — в снежки играть?

— Ты чего такая?

— Жить надоело.

— Дома плохо?

— Хоть в трубу лезь.

С Раисой Русаковой Алена сидела за одной партой, они дружили. Оставить подругу одну в таком настроении она не могла, но и перестроиться, стать мрачной тоже не могла. Смеясь, она рассказывала, как ее хотел схватить у ворот Крюков из 9 «Б» и как она его, придурка, толкнула. Раиса слушала молча. Подруги поднялись на третий этаж. Раиса, войдя в класс, никому ничего не сказала, положила свой портфель в парту и села. Алена, прежде чем сесть, шмякнула сумкой-пакетом по крышке, что означало «Общий привет!».

— Смирнов, сотри свое художество! — тут же звонко крикнула она лохматому неряшливо одетому мальчишке, который рисовал на доске морду волка из мультфильма «Ну, погоди!». Алена была сегодня дежурной. Но крикнула она просто так — попробовать голос, крикнула, как бросила снежок.

— Жуков? А где Жуков?

Ей хотелось и в Сережку Жукова бросить слово-снежок. Но его в классе не было. Алена спросила бы Сережку о чем-нибудь. Он все знает. Она спросила бы, в каком номере журнала «Природа» написано, что она из девочки превратилась в девушку.

Сережка Жуков и Лялька Киселева сидели в крайнем ряду напротив среднего окна. Можно смотреть в окно, когда слушать учителей неохота. Лучшие места, занятые лучшими людьми класса. Сережка Жуков и Лялька Киселева считались интеллектуальными лидерами 9 «В». Все, кто дружил с ними, был вхож в дома к Сережке и Ляльке, составляли небольшой кружок. Алена тяготела к этому кружку, пользовалась всякой

возможностью, чтобы занять место поближе к лучшим людям класса. Если кто опоздал или заболел, она была тут как тут. Иногда садилась третьей на парту к Машке Прониной и Юрке Лютикову.

— Хоть в трубу лезь, — сказала Алена и засмеялась.

— Ты чего? — удивленно спросила Раиса Русакова.

— Выражение чудное: «Хоть в трубу лезь». Откуда произошло? Кому-то надо было лезть в трубу, а он не хотел? Какому-то прорабу, что ли?

Вошел Сережка Жуков, поднял руку, приветствуя всех небрежным жестом. На плече — холщовая сумка на длинных лямках. Белая горловина водолазки плотно охватывает тонкую шею. Все, как положено, чтобы считаться «мальчиком в порядке» — небрежно надетая школьная форма, на плече потертая, вытянутая за уголки холщовая сумка.

Сережка сел и сразу повернулся вполоборота к Ляльке Киселевой и Машке Прониной, которая сидела сзади, за соседней партой. Очки с продолговатыми стеклами придавали лицу Сережки выражение очень серьезное. А мальчишеские вихры надо лбом делали эту серьезность симпатично дерзкой.

— Нет, правда, кому первому не захотелось лезть в трубу, чтобы он придумал поговорку? — сказала Алена, удивляясь тому, что ей интересно думать про это.

— Никому не надо было лезть, — мрачно ответила Раиса Русакова. — Придумал кто-то дурацкое выражение.

— В трубу! — крикнула Алена и громко захохотала. — В трубу!

— Ты чего?

— В трубу лезу! Ну, в трубу же! Вызовет меня Белосипед, банан влечет, а я пойду, пойду в дверь. Она скажет: «Давыдова, ты куда?» А я ей: «Зой Пална, в трубу, потому что жизнь такая, хоть в трубу лезь».

Мрачно настроенная Раиса Русакова смотрела с возрастающим недоумением на подругу. Потом неожиданно роготнула и пригнулась от смущения к парте. Это произвело такое же действие, как в кино, когда кто-нибудь из зрителей, забывшись, загогочет на весь зал. В классе засмеялись. В Алене все затрепетало. Смех — это была та атмосфера, в которой ее фантазия становилась неистощимой.

— Выйду на улицу, — продолжала она громко, срывая голос и срываясь на смех. — Граждане, где труба? Сумку в зубы и полезу. Толпа соберется, милиционер подойдет, скажет: «Граждане, разойдитесь, ничего особенного — человек в трубу полез».

Вкатился Валера Куманин, мальчишка с широким плоским лицом. Ему тоже захотелось посмеяться. Он остановился перед девчонками, сморщил свой маленький нос, заулыбался, заgrimасничал:

— Чегой-то вы, тетки?

— Уйди, не мешай. Не видишь, мы с Райкой в трубу лезем.

— А как? Я тоже хочу.

— Среднему уму непостижимо.

На последней парте в самом углу завозился крепкий широкоплечий парень, Толя Кузнецов. Его раздражал беспричинный смех.

— Идиотки, хоть бы труба обвалилась и придавила вас, — сказал он, не улыбувшись.

— Спасибо, положите на комод, — отпарировала Алена.

Ну, кто еще? Она отвечала и сама же смеялась своим ответам. Она была на вершине смеха.

Прозвенел звонок, и почти одновременно со звонком вошла в класс Зоя Павловна — Велосипед. Это была худая плоская женщина; она ходила очень прямо, высоко поднимая ноги. За это и прозвали ее — Велосипед. Англичанка, не глядя на ребят, прошла к столу, не глядя встретила шум приветствия, не глядя, сказала:

— Садитесь! — И после небольшой паузы, таким же ровным голосом: — Давыдова!

— Что?

— Успокойся.

— Зоя Павловна, я спокойна, — сказала Алена, поднимаясь. — Я совершенно спокойна. Как пульс покойника.

— Давыдова, не паясничай!

Алена села, начался урок английского языка. Этот урок был помехой. Алена не слушала объяснение Зои Павловны. Англичанка что-то писала на доске, отходила в сторону, чтобы всем было видно, и когда оказывалась у окна, Алена воспринимала ее чисто зрительно — темный силуэт на фоне белого окна. Выпавший

ночью снег распушил деревья. За ближними ветвями виднелись дальние ветви. «Сад снега», — подумала Алена.

На перемене Алена выгнала всех из класса. Надо было проветрить помещение. Она двинулась к Сережке Жукову, чтобы его тоже выставить в коридор. Он сидел против своего окна, читал книжку. Алена подошла и неожиданно для себя сказала:

— Ладно, сиди. Что читаешь?

Она схватила книжку, на раскрытой странице увидела фотографию каких-то микробов.

— Микробами любишься, б-р-р! — И полезла на подоконник открывать форточку.

Сережка не успел ничего сказать. Он даже отвлечься не успел от того, что прочитал и увидел на фотографии. Он сосредоточенно смотрел на Алену, когда она держала книжку, вернее, он смотрел сквозь нее, стараясь не забыть прочитанного. То, что Алена называла «микробами б-р-р», было коацерватной каплей по Бунгенберг-де-Йогу. Отец у Сережи — химик. Он жил с другой семьей, но Сережа у него часто бывал и в лаборатории, и дома. И когда сыну понадобилось проходить практику на межшкольном комбинате, отец устроил ему более интересную практику в своей лаборатории, принадлежащей хлебозаводу и заводу фруктовых вод.

Алена открыла форточку, взяла щепотку снега с рамы, бросила в Сережку.

— Давыдова, успокойся, — сказал он голосом учительницы.

Алена засмеялась, высунулась в форточку, показывая, что не боится простуды и вообще ничего не боится.

«Хочу написать настоящий я стих, извергнуть умение из знаний своих. Губы — не трубы, не бык моста, губы — грубо, лучше — уста. Лучше уста у мальчишек у ста, и чтоб целоваться умели до ста».

Прокричав деревьям свое нелепое стихотворение, Алена соскребла с рамы пригоршню снега и, прыгая с подоконника на соседнюю парту, уже убегая, бросила снегом и капельками талого снега в Сережку.

— Ну, Давыдова, сейчас получишь! — крикнул он, вскакивая.

Все в Алене встрепенулось от восторга, она помча-